

Мой дед – академик Александр Николаевич Несмеянов

Трубетцкая

Нина Владимировна,
методист Отдела
развития исследова-
тельской деятельности
учащихся Дома научно-
технического творчества
молодежи Московского
городского Дворца
детского (юношеского)
творчества

Мой дед, Александр Николаевич Несмеянов, является собой яркий пример того, как страсть к науке, причем, к науке конкретной, а именно к химии, проявилась очень рано, в детстве. Затем эта страсть воспитывалась и поддерживалась в обоих его детях – моих маме и дяде – оба они стали вполне состоявшимися химиками, и, наконец, рикошетом ударила меня. Мне кажется, интересно рассмотреть зарождение его интереса именно сегодня, когда активно развивается исследовательская компонента в школьном образовании. Оба брата моего деда и его сестра тоже начали работать в области естественных наук, и работали очень успешно – брат Андрей стал радиохимиком, членом-корреспондентом Академии наук, сестра Татьяна – физиологом, доктором наук. Брат Василий не успел состояться как ученый. Он занимался разработкой новых методов картирования, аэрофотосъемкой. Кроме того, все они были разносторонние люди. Тетя Таня серьезно занималась живописью, у нее были персональные выставки, позже стал рисовать и дед. Стихи он писал всегда.

Его отец, Николай Васильевич Несмеянов, родился в огромной священнической семье, в которой было 16 детей, и уже с 11 лет подрабатывал репетиторством. По свидетельству современников, Николай Васильевич был совершенно необыкновенного ума человек. У нас хранятся четыре рукописных тома воспоминаний о нем. Дед считал, что отец был несравнимо умнее него. Он окончил Московский университет с золотой медалью, и, несмотря на открывающиеся блестящие перспективы, увлеченный народолюбивыми идеями, уехал учителем в глухую деревушку, где и преподавал несколько лет. Он знал пять–шесть языков, в том числе санскрит, причем они давались ему настолько легко, что, например, когда появилась возможность стажировки в Англии, он самостоятельно за два месяца выучил английский. Память его была феноменальна, и даже в 60 лет воспроизводя на память цепочки слов или цифр, он оставлял позади моего деда. Но дело было не в памяти, а в том, что он постигал логику изучаемого предмета, будь то язык или история, не говоря уже о математике, к которой у него тоже были большие способности.

При огромной работоспособности и любви к труду, и большой требовательности в этом к себе, он все делал с большим тщанием, это относилось даже к вскапыванию огорода. Он, видимо, был напрочь лишен честолюбия и совершенно удовлетворялся тем, что делал в данный момент жизни. При этом ему были присущи созерцательность, мечтательность и огромная любовь к природе.

Позже он занял пост директора новообразующегося Бахрушинского приюта для мальчиков в Сокольниках и фактически разработал и воплотил идею этого приюта. Приют был организован по семейному принципу. В огромном парке стояли домики, по одному на разновозрастную группу-семью. Там же была квартира директора. В распоряжении детей был весь парк. По воспоминаниям деда и его сестры, их детство было волшебным. У тети Тани всегда горели глаза, когда она рассказывала об этом времени. У них было множество друзей из приютских детей, связи с некоторыми из них сохранились почти на всю жизнь; были игры, лазанье по деревьям, собственные маленькие исследовательские экспедиции по парку.

Мать деда, Людмила Даниловна, тоже преподававшая два года до того, как вышла замуж, была яркой, творческой натурой. Она рисовала, до сих пор сохранилось несколько ее картин маслом, делала замечательные аппликации, оформляла спектакли, которые ставились в приюте. С детства все дети были погружены в насыщенную атмосферу, и разносторонняя деятельность их родителей разворачивалась у них на глазах. До моего детства сохранилось множество дореволюционных альбомов, посвященных живописи, творчеству передвижников, которых родители деда очень уважали, ходили сами на их выставки и водили детей. Музыка занимала гораздо меньшее место в жизни семьи. У бабы Люды – я ее помню в раннем детстве – было полное отсутствие музыкального слуха, «унаследованное» ею от отца. Считалось, что гены Данил Антоныча, ее отца, настолько чудовищно антимузыкальны, что ни у одного из его потомков не может быть слуха по определению. Тем не менее у семьи был абонемент в Большой театр и отдельный абонемент на детские спектакли.

В семье Николая Васильевича очень часто читали вслух по вечерам. Он очень хорошо знал историю, особенно Грецию и Рим, и когда у него было свободное время, его рассказы погружали детей то в одну, то другую эпоху. Отголоски этой традиции дошли до моего детства. Я смутно помню, мне еще не было шести лет, а дед рассказывал мне то о Шамполионе, то о Розетском камне, тайной которого он увлекся еще в детстве.

Но вот что интересно, несмотря на все разнообразие открывающихся перед ним путей и сфер деятельности, в иерархии ценностей деда уже в детстве высокую ступень занял именно ум. Лет до 11 у него была наивная вера в Бога, и его вечерняя молитва звучала так: «Господи! Дай мне ум – острый и быстрый, гибкий и глубокий, широкий и высокий могучий ум!» Дед считал, что были услышаны только два первых пункта этой молитвы. Он говорил, что обладает скорее интеллектом художника, воображением, образным мышлением, интуицией, чем аналитическим, абстрактным умом, как его отец, и, углубляясь в науку, он чувствовал, что ему этого очень не хватает. И действительно, говоря о веществе, он очень часто употре-

Александр Несмеянов
в детстве

¹ Несмеянов А.Н. На качелях XX века. – М.: Наука, 1999.

² Там же.

блял слова, относящиеся к эмоциональной, а не к интеллектуальной сфере. И в науку, особенно в химию, с детских лет он был именно влюблен.

И еще, в отличие от своего отца, и несмотря на присущую ему огромную застенчивость, он был честолюбив. Он писал: «Честолюбие мое было с детства направлено на одно: я хотел быть ученым, профессором... Меня несколько не занимало звание или положение, я хотел сделать в науке что-то крупное»¹.

До гимназии его образованием занималась мать. И она впервые заинтересовала его естествознанием. Я помню в своем детстве цветной, невообразимой толщины атлас растений с дивными рисунками. Это была книга его детства. Под руководством мамы он собирал гербарий. Затем целое лето у них жил мамин брат, студент-естественник, который приохотил деда к энтомологии. Он вел полевой дневник: «... поймал щелкуна, он блестящего черного цвета, продолговатой формы. И когда возьмешь его в руки, то он щелкает, кивая головой. А когда положишь на спину, он подпрыгивает... Сегодня на дубу я увидел бронзовку черного цвета (а обыкновенно она бывает зеленая), и полез за ней на дуб, но она улетела».

На другое лето приют пригласил учителя естествознания, который знакомил воспитанников с водной фауной, проводя длительные экскурсии на болота, и дед был их участником. Читая записанные им наблюдения над фауной Подмоскovie и сравнивая, просто поражаешься тому, насколько обеднела она сейчас. Потом он собирал коллекции птичьих яиц, минералов. Но все это были яркие увлеченности. Любовь же к химии зародилась в нем, когда в 12 лет он нашел в сарае своего деда учебник химии Рихтера. Еще раньше его увлекали фокусы, но это было ничто по сравнению с чудесами из этого учебника. «Какие аппетитные описания таинственных веществ и их получения в ретортах, колбах. Желто-зеленый газ хлор! Взрывающийся от прикосновения серый порошок йодистого азота, сам йод с его фиолетовым паром! Целый мир, таинственный и реальный»². Вернувшись в Москву, он погрузился в эксперименты. Сначала он использовал подручные средства, например, соду, нашатырный спирт, йод, красную капусту как лакмусовую бумагу. Потом этого стало не хватать, и дед начал экономить на трамвае, проходя по три километра пешком. В месяц набегало примерно три рубля, которые он тратил в аптеке, а позже открыл для себя магазин «Природа и школа». Постепенно посуда и реактивы заняли целый шкаф. Под особенно зловонные опыты ему была выделена площадка на черной лестнице. Интересно, что наставников по химии в детстве у него не было. Он разбирался во всем сам, охваченный жгучим интересом. Рецепт пиросилина, с успехом изготовленного им, был взят, например, из «Таинственного острова» Жюль Верна. Тогда же зародился интерес именно к органической химии. Однажды дед заинтере-

совался бензолом – из него можно было получить кучу интересных вещей: невероятно сладкий сахарин, душистый ванилин и еще много чего пахучего, цветистого, взрывчатого. Но бензол в аптеках не продавался. Тогда он задумал многоступенчатый синтез из гипшуровой кислоты, которая, в свою очередь содержится в моче травоядных. И вот, со своим приятским другом, Ленкой Соколовым, они прикрепили шест к ночному горшку и устроили охоту на коров. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Как только корова поднимала хвост, они выдвигали свой инструмент, и она пугалась и убегала. Наконец после долгих часов охоты они получили драгоценную жидкость. Дальше происходило выпаривание на кухне. Когда туда добавили соляную кислоту, запах стал совсем уж невообразимым. Но в результате деду удалось «возогнать сверкающие иглы бензойной кислоты, удивительно чистые».

Между тем занятия химией углублялись. От корки до корки был проштудирован том Менделеева, чей язык поразил деда своей сочностью. В какой-то момент он понял, что ему нужны знания физики, чтобы разобраться в химических процессах, и, накопив «дикие» деньги – 27 рублей, он купил многотомный курс физики. Скопил он их, репетиторствуя своего брата Васю. Из педагогических соображений родители эти уроки оплачивали. Но физика была лишена романтической притягательности химии.

По сравнению со всеми этими изысканиями учеба в гимназии казалась такой пресной и скучной, что не затрагивала абсолютно и при этом пожирала огромное количество времени, которое, по мнению деда, можно было использовать с толком. Ему было очень жалко тратить это время на учебу, которая воспринималась как «каторжная повинность». В результате он выработал тактику не приносить двоек в четвертях, а все остальное было неважно. Школьная история была ему абсолютно неинтересна, но при этом, с подачи отца, он увлекался отдельными периодами – историей Египта, Шумера, Византии, славянами и угро-финнами, и много читал самостоятельно. К тому же он занялся стихосложением и штудировал Брюсова, я очень хорошо помню эту книгу, испещренную пометками. Таким образом, его самообразование входило в конфликт со школьным. Выправлял ситуацию опять же отец. Временами он прощупывал знания сына и, открыв очередную дыру, устраивал «сессии», заставляя заниматься предметом по два часа каждый день, пока дела не выправлялись. С одной стороны, эти занятия воспринимались как тягостная повинность и отрывали от занятий химией. Но с другой стороны, Николай Васильевич «учил именно логике предмета, умея вскрыть ее так, что все становилось ясным... Забыл, всегда можно сейчас же сообразить, следуя этой логике»³. Он применял этот метод не только к математике, что кажется естественным, но даже к языкам. Так что в результате дед все же окончил гимназию с серебряной медалью.

³ Там же.

Надо сказать, что в школе у меня был тот же самый конфликт между школьным и самообразованием, и тактика та же самая. При том, что мои интересы были достаточно разносторонни, в дневнике в конце четверти выстраивался ровный столбец троек, включая тройку за поведение. И при этом я точно знала, что пойду в науку и буду заниматься молекулярной генетикой, а тема исследований определилась для меня еще в 9-м классе. Так что тут я понимаю деда очень хорошо.

Сам он считал, что единственное, что дала ему гимназия, – это как умение работать, так и умение избегать ненужной работы, которое ему тоже очень пригодилось.

Дед поступил в университет летом 1917 года, перед самой революцией. Приют окончил свое существование почти сразу после нее. Служащие объявили забастовку в знак протеста против захвата власти, и всем пришлось немедленно его покинуть. Николай Васильевич довольно быстро был приглашен на место директора второй ступени в Щелкове, а деда в Москве приютили родственники. Такое впечатление, что внешние события, не относящиеся к университетской жизни, – революция, голод, трудности – проходили по касательной, задевая его только внешне; вся же жизнь, все интересы сосредоточились в университете. Хотя он ездил за продуктами на «хлебном поезде», организованном в Щелкове в самый голод. Дед вез пуд гвоздей и менял их только на рожь, она была дешевле. В результате этого зерна хватило семье на два самых голодных года. Его распаривали, проворачивали через мясорубку и готовили кашу.

В университете существовала такая система – к окончанию нужно было сдать определенное число предметов и практикумов, а последовательность их прохождения была отдана целиком на усмотрение студентов. Дед быстро понял, что прослушивание лекций для него крайне непродуктивно, и прогуливал даже свои любимые предметы, в том числе и лекции своего руководителя, предпочитая самостоятельно работать с книгами и максимально использовать практикумы.

Тем не менее в дальнейшем сам он любил читать лекции и делал это очень хорошо. Его приходили слушать не только студенты, но и преподаватели. Видимо, писать лекции ему помогало его образное мышление. Подготовка временами проходила так: в воскресенье после обеда он укладывался на диван, приставив под бок мою маму, которой тогда было лет 13–14, и начинал: «Ну, давай готовиться к лекции. О, как не хочется! Ну ладно, надо. Значит, так. Сначала мы говорим об этом, потом упоминаем это. Да, тут надо сослаться на статью, там интересный опыт описан. Потом вот это, ну вот, собственно, и все. Пошли пить чай».

Тут я его опять очень понимаю. Я почти не воспринимала ничего на слух. Только один раз, разбираясь в собственных каракулях лекций по зоологии позвоночных, я схватилась за голо-

А.Н. Несмеянов с дочерью

ву и стала обзванивать друзей, пытаясь раздобыть другие конспекты. Они были полны интереснейших идей по эволюции видов, которых совершенно не было в собственном учебнике лектора. Как правило, во время подготовки к экзамену я любила окружить себя шаткими пирамидками учебников и сравнивать сведения из разных источников.

Что же касается любви деда к чтению лекций, я думаю, что дело тут в значительной мере в том, что при написании лекции более детально продумывается материал, и знания самого лектора выстраиваются в систему.

Одной из его подработок в студенчестве была работа на Станции юных любителей природы. Станция располагалась почти там же, где был приют – в Сокольниках. И дед блаженствовал. Он подарил станции свою коллекцию яиц, он ставил с ребятами химические опыты. И из одного из «карапузов в коротких штанишках», Вити Плескова, впоследствии даже получился видный химик.

В одну из послереволюционных зим здание университета промерзло, лопнули батареи, и занятия прекратились. Дед занимался в других учебных заведениях, где преподавалась химия, а когда занятия в университете возобновились, он познакомился со своим будущим научным руководителем, Н.Д. Зелинским, с которым жизнь свела его на десятилетия. Он присоединился к группе, состоявшей из таких же молодых людей, не представляющих свою жизнь вне науки. Впоследствии из этой группы вышло поразительное количество академиков, зачинателей новых направлений в химии. Кроме того, здесь дед приобрел друзей на всю жизнь. Его младшая сестра, которая училась в то время в школе-коммуне, так вспоминала о том, как она бывала у них. При ее появлении откуда-нибудь доставался черствый хлеб, пропахший реактивами, – его ей скармливали с шутками. Они просто жили там, голодно, весело и очень творчески. Часто сочиняли смешные стихи, розыгрыши. Одно время дед вместе со своим другом определились бесплатными сторожами и получили право официально ночевать в лаборатории. Позже, когда ему поручили вести практикум, он писал, что тот отнимал всего три часа в день, а остальные 10–12 были посвящены экспериментальной работе. Он в то время параллельно с темой, данной Зелинским, уже вел самостоятельную работу и называл себя «кошкой, которая гуляет сама по себе». Где-то сбоку на столе у него стояли несанкционированно собранные установки, и он старался их убрать подальше при появлении Н.Д. Зелинского.

У деда, как и в детстве, отношение к веществу оставалось каким-то личным, эмоциональным. Например, одну работу он прекратил, потому что соли вольфрамовой и поливольфрамовой кислот показали ему какими-то слишком пресными. Он пишет: «Я сохранил к ониевым соединениям и к дифенилдонию нежность на всю жизнь»; «С детства мне симпатичная

А.Н. Несмеянов

железистоцианистоводородная кислота». Так же дед относился и к лабораторной посуде, и к столам, на которых они работали. Как-то их допустили в «пещеру Алладина», на склад, где хранились еще старые запасы стекла и реактивов, откуда им была выдана «чудесная водяная баня с дивной ирисовой диафрагмой», а по поводу шоттговского стекла была сочинена целая поэма:

*Стекла из Йены цвет зеленый –
Холодный и прозрачный цвет –
В моей душе, в него влюбленной,
Других цветов стекла уж нет.
Изящной колбы Шотта шейка
Как шея лебедя стройна.
Бокал задравный мне налей-ка
За шейку выпью я до дна.*

А.Н. Несмеѣнов с подругой

О своем столе он пишет: «Я был влюблен в эту прекрасную лабораторию и в свой рабочий стол. В течение всей жизни я часто видел во сне этот свой рабочий стол, и сон всегда был окрашен в грустные тона утраты». Позже, когда закладывалось здание Московского государственного университета на Ленинских горах, дед с огромным удовольствием сам разрабатывал рабочие модули для химфака и образцы химической посуды.

Уже в то время были заложены основные направления, над которыми он работал всю жизнь – металлоорганические соединения, и тогда же возникла тема белка и искусственной пищи.

Дед в очень раннем возрасте самостоятельно пришел к вегетарианству. Для него было буквально физически невыносимо насилие, связанное с добыванием мяса. Он страдал всякий раз, когда при нем подавали на стол мясо. Он воспринимал это так, как если бы милые люди, которых он любит, приятно беседуя, приступили к обеду, зарезав очередную жертву, заступиться за которую он не имел никакого права. Страдания животных он буквально чувствовал сам. К десяти годам дед категорически отказался есть мясо, а к тринадцати – рыбу. Даже в самые голодные годы он еще больше сужал свой рацион, потому что просто не мог этого есть. Когда родственники, у которых он в то время жил, варили конину, он уходил из дома, потому что не мог выносить запаха, и часами бродил по улицам, предаваясь кулинарным видениям, например, гречневой каши. В те времена идея вегетарианства казалась просто дикой, и он весьма болезненно воспринимал непонимание и неприятие этой идеи окружающими. Тем не менее дети его росли вегетарианцами. Что же касается меня, то я начала есть мясо, как только у меня появилась такая возможность, видимо, из чувства противоречия; кроме того, мне как-то совершенно не объясняли смысл

вегетарианства, который я поняла только повзрослев. Поэтому тема искусственного белка была для него лично очень важна, и он уже свой диплом хотел писать по этой теме. Тогда это ему не удалось, но много позже были развернуты изыскания в ИНЭОСе. Я понимаю причины, по которым потом это направление не было поддержано, но мне жаль. Лаборатория добилась больших успехов.

Летом 1923-го и 1924-го годов большая компания молодых химиков отправлялась в путешествия по Кавказу, в первый раз – пешком по Военно-Осетинской дороге, и второй раз – к Эльбурсу. Сейчас показывают фильмы про опасности этого времени, но я смотрю на фотографию – в компании несколько девушек в светлых платьях, усатый проводник в бурке с парой вьючных лошадей в поводу... Рюкзаков они не несли. В путешествия ездила и моя бабушка, тоже химик. И ведь они совершенно не были любителями острых ощущений, скорее наоборот. Из второго путешествия бабушка и дед вернулись женихом и невестой. Эти поездки остались в их памяти на всю жизнь.

Бабушка оградила деда от всех житейских трудностей, он занимался только чистой наукой. Поэтому, когда ему в очень молодом возрасте предложили стать директором Института органической химии, дома постоянно говорили о том, что он просто не способен к этой работе, которая предполагала ведение административной и хозяйственной деятельности. Уже планировалось строительство нового здания. И он сам очень не хотел занимать эту должность. Но, к изумлению домашних, он оказался чрезвычайно способным организатором. Позже, когда на него наваливалось все больше обязанностей, оказалось, что он может выносить огромные нагрузки, в том числе психологические.

Был период, когда он одновременно являлся и директором ИОХа, и ректором МГУ, и заведующим кафедрой органической химии, и читал курс лекций по органической химии. Потом он занимал должности директора в новообразованном ИНЭОСе, где одновременно был заведующим отделом и заведующим лабораторией, и президента Академии наук. Но руководство кафедрой и чтение курса он оставил за собой. При этом дед успевал писать учебник, редактировать статьи, входить в комиссии по присуждению премий, быть депутатом Верховного Совета и т. д.

В 1940-м году арестовали его брата Васю. Его расстреляли, а в 1952-м посмертно реабилитировали. И дед был уверен, что за ним придут со дня на день. Они тогда жили на последнем, девятом этаже, и бабушка рассказывала, как ночью они прислушивались к скрипу едущего лифта: «Заработал. Медленно выше, выше. Остановился. Пронесло».

Мне кажется, такая способность к совмещению огромного количества разнородной работы связана с тем, что он очень

Семья в мамином детстве. А.Н. Несмеянов (дед), бабушка Нина Владимировна (сидит), Ольга и Николай маленькие, справа от Ольги мать деда Ольга Даниловна

хорошо умел отключаться. Закрывая дверь дома, он оставлял за ней мысли о работе. (Мысли о науке к этой категории не относились.) И еще он очень ценил время. Считал, что его отпущено очень мало. И с этой меркой он подходил к воспитанию моей мамы и дяди Коли.

У дяди Коли очень рано проявились способности к стихосложению. И дед, большой любитель поэзии, и сам пишущий стихи, отнесся к этому весьма серьезно. Они много времени проводили за разбором написанных дядей Колей стихотворений, изучали стихотворные размеры. А вот шахматы, которыми дядя Коля тоже увлекался и даже, кажется, получил разряд, были потихонечку выведены на обочину. Дед считал, что можно, конечно, вечером в воскресенье поиграть, но чтобы увлекаться этим серьезно! Еще более жестко и своеобразно были отставлены блошки. Младшим братом деда, дядей Андреем, дяде Коле была оставлена в наследство огромная армия сделанных из картона блошек, от солдат до генералов, на которых уже негде было рисовать ордена. Блошки были именные, с личной историей. И каждый день дядя Коля с двоюродным братом устраивали многочасовые жестокие бои. Наконец, дед не выдержал и предложил дяде Коле бой с условием, что если он выиграет, то армия переходит под его начало. Дядя Коля считал себя асом в этом деле и только расхохотался. Но выиграл дед, и, несмотря на слезы и мольбы, блошки запер и выдавал только по большим праздникам.

При этом он всеми способами развивал интерес дяди Коли к химии. Он серьезно считал, что если рано начать и не отвлекаться на пустяки, то можно сделать гораздо больше, чем сумел он сам. На кухне появилась тумбочка с реактивами и посудой, и они с увлечением делали опыты. Маме это было неинтересно, и от опытов она уклонялась. Но дед любил, уютно устроившись с ней рядом, сказать: «Давай помечтаем. Вот представь себе, у нас есть раствор, там плавают такие закрученные в колечки молекулы. Со всех сторон у них что-нибудь привешено. И там же бегают маленькие юркие молекулы, которые могут свободно залезать в эти кольца. И вот мы что-нибудь в этот раствор капаем, отчего маленькие молекулы растопыриваются, становятся похожими на ершик, и не могут из больших выбраться. Но они не присоединены, это не химическая связь. Что из такого вещества получится? Какие у него будут кристаллы?» И примерно в это же время был описан класс подобных «кластерных» соединений.

Оба, и мама, и дядя Коля, несмотря на другие серьезные увлечения (мама хотела быть театральным художником, дядя Коля думал о литературном институте), все-таки стали химиками.

Что касается меня, то я общалась с дедом в основном до школы. У него вся жизнь была заполнена химией, и на ночь он

рассказывал мне сказку с продолжением про девочку Горошку и элементы. Она жила вместе с элементами; натрий, например, всегда ходил в галошах, потому что боялся воды. Каждый вечер они попадали в новые приключения. Так что, помню, в детском саду я рисовала елочку, на которой вместо игрушки висели CO_2 , H_2O и так далее. Дед постоянно приносил пробирки с разными веществами – красные и желтые кристаллы кровяной соли, серебристые порошки металлов, желтую серу – и радостно показывал мне; они постоянно лежали у нас в ящиках стола. Также ему нравилось стеклодувное дело. Помню, мы пытались нагреть трубку на газовой плите, а потом он взял меня в только что открытый ИНЭОС и начал выдувать там под тягой стеклянные пузыри. В другой раз он привез мне из Чехословакии стеклянного поросенка и гордо сказал, что сам сделал его на заводе. Он делал чернила из дубовых орешков, показывал тайное письмо, которое проявлялось при нагревании. Как-то показал процесс получения углекислого газа. Я помню таинственное сооружение из столовых приборов и стоящей вверх дном колбы, которая потом торжественно переворачивалась, и поднесенная спичка тухла.

Он тогда был президентом Академии наук СССР, но, конечно, не утратил интереса непосредственно к химическому веществу и ко всему тому, что сопровождает ручную работу химика.

Мама к своей работе относилась ревниво и отказывалась обсуждать ее с дедом, только с дядей Колей – они были на равных. Но дядя Коля часто подходил к деду со сверкающими глазами и с застенчивой улыбкой говорил: «Посмотри-ка, я тут одну вещь придумал». Они садились, и из-под их рук выпархивали листочки, испещренные похожими на крабов шестиугольниками. Иногда краб сжимал в клешнях какой-нибудь Na или Br.

Но, несмотря на то, что сам воздух вокруг меня был пронизан химией, мне врезалась в память фотография бактерии и вируса. Дед отдыхал после обеда и просматривал журнал с одной из первых электронных фотографий, а я долго по нему к этой фотографии ползла, так как, видимо, была очень маленькой. Бактерия была похожа на огромную планету, а вирус приземлялся на нее как корабль, цепляясь согнутыми длинными ногами. Когда я выросла, я стала молекулярным биологом.

Затем дед ушел из семьи, и хотя каждый день приходил обедать, не так уж много времени было у нас для общения. И в это время его влияние на меня было очень маленьким. Я снова начала много с ним общаться в старших классах, очень любила гостить у него на даче, где он в то время жил. Там было очень тихо, и дом наполняли музыка и поэзия.

Стихи он писал всегда. Его стихи о природе прекрасны. В «Велосипедной прогулке» ритм стиха передает ощущение от езды на велосипеде по лесной дороге:

*Вперед, вперед! По корням тряско,
Ветер дует в лицо теплом.
Махая лапами, ели, как в сказке,
Убегают назад. Со лба потекло.*

*Колени и корни. Тропки и травы.
В чаще бора глубокая тень.
Повороты налево, повороты направо
И вылет в сияющий солнцем день...*

Потом дед увлекся живописью, и его картинами были увешаны на даче стены от пола до потолка. Но когда я стала бывать у него, он уже не рисовал.

Дед всегда был очень мягким дома, но меня поражало, каким твердым голосом он иногда разговаривает с людьми по телефону. Наверное, он мог быть жестким руководителем; я же испытала это на себе только один раз, наверное, поэтому мне тот случай и запомнился. Мне было лет девятнадцать, я поехала к деду на дачу, договорившись вечером встретиться с друзьями. И вот часов восемь, мне пора ехать, и вдруг дед говорит: «Нет, ты никуда не поедешь. До станции идти опасно». Я просто потеряла дар речи. К этому времени я уже побывала в самостоятельных дальних путешествиях. Меня поддержала и его жена. Но дед был как кремль. До сих пор радуюсь, что решила отменить встречу и остаться на даче.

В те дни мы общались на каком-то несловесном уровне. Много сидели рядом и молчали. Он еще оставался директором ИНЭОСа, но, наверное, уже устал от активной жизни. Его окружала атмосфера созерцательности и поэзии. У меня тогда сложилось стихотворение, в котором довольно точно отражено мое восприятие деда в то время:

*Мой скудный дар,
Букет осенних астр прими.
Они пронизаны печалью увяданья
всей осени.
Фарфоровый цветок
из-под сугроба наметенных листьев
навстречу холодеющему солнцу.
И от него еще опустошенной
стволы деревьев вокруг...*

Все они, братья и сестра, всю жизнь дружили, каждое лето проводили вместе. Дед собирал вокруг себя всю семью. Они вспоминали свое детство как благодатное время – с одной стороны, полная свобода, с другой – насыщенная, наполненная интересной деятельностью жизнь, дающая возможность изучать мир вокруг себя. Кроме того, творческая интеллектуальная жизнь отца и матери, поддерживающих устремления детей. Этим мож-

А.Н. Несмеянов с внучкой
Ниней Трубецкой и дочкой

но объяснить их разносторонность, их творческий потенциал. Но как, почему зародился этот жгучий интерес, катализатором которого стал найденный в сарае учебник Рихтера, и который затронул глубоко всю натуру деда, все равно остается загадкой.

Недавно я была на годовщине его смерти в ИНЭОСе, и меня поразило, как тепло люди до сих пор относятся к нему. Не как к основателю института, а скорее, как к учителю, может быть, к старшему другу, каким он был и для родных, и для коллег, и для учеников. **И/В**

Приложение

Избранные стихотворения А.Н. Несмеянова

Венский лес

Веной, каналом Дуная,
Рингом в движении быстром
Едем, заботы не зная,
Я и охрана двойная
Ноябрьским заполднем мглистым.

К Венскому лесу дорога
Вьется как в туре вальса
Черною лентой строгой.
Бьюик пыхтит. Тревога.
Но гору возьмет, не печалься!

Горит по горам как чудо
Листьев сухих завеса
Осени рыжей причуда –
Красная ржавчина леса,
Поляны из изумруда.

Стволам корежистым тесно:
Переплетаются, жмутся,
Голубизной бестелесной,
Летним сплетеньем чудесным
В дымке осенней вьются.

Внизу полоса стальная –
Воды холодные мчатся.
А далеко за Дунаем
Вена в тумане тает,
В бездне крыши курятся.
Вальса царица – Вена,
Видение, что мгновенно.

Сурепка

Пахнет ливнем в открытые окна.
Тучи синие. Ветер с полей
Золотой сурепки локоны
Взрывом солнца на круглом окне.

Аромат суховато медвяный
Золотых веселых цветов,
Распушенных над глиняным жбаном,
Растворить весь воздух готов.

Напоить медвяною сладью,
Дуновением летнего счастья.

Ночная фиалка

Каких лесов, полян, лужаек
Спрессован пряный аромат?
Хрусталь прохладю сжимает
Фиалок девственный наряд.

Бледнозелены, стройны, длинны,
Упругим ворохом кудрей
Льют запах нежный и невинный,
Который к вечеру острей.

А в сумраке холодной ночи
Он пьян, призывен и порочен.

Лесные цикламены

Игрою граней, спектров сменой
Блестит стеклянная корзинка
На тонких розовых червинках
Лесных пугливых цикламенов.

Лиловая алеет лядяность
Сел ворох мотыльков на листья,
Зеленых. Круглых, бархатистых.
Звенит чуть слышимая пьяность.
Весна приподняла ресницы.
А за окном метель кружится.

Бабье лето

Такая прелесть – бабье лето!
Летят тонинки паутин,
И светом ласковым согрето
Сквозь дымку золото долин.

Как их покой глубок, как истов!
Леса... Леса уже шуршат
И дивно пахнут прелым листом.
Так пахнет чайной розой сад.

В озерах воды густо сини
И золотом окаймлены.
Обрызган кровью весь осинник,
А сосны в тишь погружены.

Ах, бабье лето, Ты ведь осень!
Ты просто старость – тлен и прах.
Но бодро юность всходит – озимь
На черных бархатных полях.

